

СКОРБИМ И ПОМНИМ



Виктор Петренко

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МУДРОГО ЧЕЛОВЕКА ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА ЗИНЧЕНКО

Психология – пристрастная наука. В ней отсутствуют так называемые законы (не считая, конечно, психофизиологии, но это уже наполовину физиология организма, а не психология личности) и тексты по психологии неотделимы от личности, их создавшей.

Тексты Владимира Петровича Зинченко, особенно его методологические работы, буквально пропитаны личностью самого Владимира Петровича. Сквозь эти тексты просвечивается колоритная, ироничная, но очень душевная физиономия автора. Среди основателей факультета, казавшихся нам (студентам) мудрыми старцами, В. П. Зинченко выделялся своей почти мальчишечьей молоджавостью и, можно сказать, молодёжным стилем поведения. Я познакомился с Владимиром Петровичем, когда, окончив первый курс факультета психологии, вместе с Сашей Асмоловым, Вадимом Петровским, Женей Субботским, Катей Щедриной и другими славными ребятами поехал в Психологическую школу в спортлагерь МГУ в Джемете (Крым).

Как известно, психологические школы были придуманы А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьевым и представляли собой неформальный способ общения старшего поколения, признанных мэтров психологии, и молодой студенческой поросли и были призваны передавать «личностное знание» (термин Полани) и мировоззрение старшего поколения молодому. Школа 1969 года, руководимая В. П. Зинченко, была уже третьей по счету (первые две провели А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия).

Мы жили в армейских палатках в спортивном лагере МГУ (Джемете) на берегу Черного моря, и В. П. Зинченко, когда он приехал в лагерь, также поселили в отдельной палатке, но только меньшего размера. По утрам можно было видеть его утренние пробежки по берегу моря совместно с Вадимом Петровским, который уже в те годы выглядел маститым профессором. И их совместный утренний променаж с неперменным диалогом на научные темы выглядел весьма важным и внушительным. Меня В. П. Зинченко выделил из общей массы студентов, посмотрев мой бой на открытом боксёрском ринге, где я удачно выступил. Так или иначе, вечером скучающий профессор позвал меня и моего однокурсника Николая Бавро (ныне живущего в Болгарии) в свою палатку выпить легкого черно-

морского вина. Было очень приятно и волнительно общаться на равных с профессором и слушать его интересные и ироничные комментарии по поводу нашей науки.

Неформальный стиль общения Владимир Петрович проявлял, конечно, не только по отношению ко мне. Помню незабвенный день – день его рождения, который припелся на нашу психологическую школу. Вся студенческая братия была приглашена в харчевню на берегу моря, и В. П. Зинченко поставил честной компании ящик вина. Мы радостно и весело пили за его здоровье и за нашу любимую науку. Эта традиция веселого и шумного времяпрепровождения студентов совместно с профессурой пришла в Россию, наверное, из Германии, где во времена Гёте и Шиллера веселые студиясы вместе с уважаемым профессором перемещались по городам и университетам, не забывая поднять кружку вина или пива за Alma Mater. После застолья мы отправились на берег моря в дюны, где, валяясь на песке, пели студенческие песни под гитару. Было хорошо и весело. Но на наше несчастье какая-то малышня из пионерлагеря угнала лодку покататься в море. Их засекли пограничники и выехали на ГАЗике, на разборку. К несчастью, на их пути по прибрежной полосе оказалась наша компания и, когда нам засветили в лицо светом от фонарика, черт дернул меня поприветствовать «дорогую милицию». Суровый пограничный майор, видимо, обидевшись, что их приняли за милиционеров, рывкнул «взять его» и меня затащили в «воронок». ГАЗик отъехал пару сотен метров вдоль берега моря и остановился. Послышался топот ног и по мою душу прибежали меня выручать В. П. Зинченко, В. А. Иванников и Коля Бавро, который по пути поймал какую-то морскую крысу и предлагал обменять её на мою шкуру. Тут майор совсем рассвирепел, но Владимир Петрович, назвав свой высокий ранг, предложил им прочитать на заставе лекцию по психологии. Конфликт разрешился, меня отпустили, и мы расстались с пограничниками чуть ли не дружески. Первое, что сделал Зинченко, – это протянул мне сигарету, не сказав ни слова упрека. В. П. был очень ироничен и даже ядовит к надутым вельможным персонажам, но легко прощал человеческие слабости. Кстати, я по жизни использовал этот приём Владимира Петровича в установлении контактов. Так, путешествуя по Командорским островам и приплыв на остров Беринга, я отправился на погранзаставу с предложением прочесть лекцию по психологии. Дело в том, что три сотни местных жителей, обитавших в посёлке, не имели права выхода за его территорию. (Один из маленьких, но ярких примеров командного администрирования того времени.) Благодаря дружбе с пограничниками я не только получил пропуск по всей территории острова (не забуду незабвенные дни, проведенные в полном одиночестве на берегу Великого океана в охотничьей избушке, стоящей на вершине утеса), но и возможность побывать даже на острове Медном, ближайшем к американским Алеутским островам, где проживали только пограничники.

Мы уважали и любили Зинченко потому, что он являл собой тип свободного, независимого человека, стиль которого перенимался даже в мелочах. Так, читая лекции, Владимир Петрович часто закуривал, и эти

затяжки выступали своеобразными смысловыми паузами, несли, так сказать, коммуникативную нагрузку. Когда я начал читать лекции (а начал довольно рано, так как Алексей Николаевич Леонтьев оставил меня в ассистентах, минуя аспирантуру), то, волнуясь, также курил на лекциях, возможно, неосознанно подражая В.П.

Тогда еще не было антитабачной компании и только зам. декана В. А. Иванников сурово предупреждал меня о недопустимости такого поведения (что, впрочем, не имело последствий). Вспоминая атмосферу того времени, я ощущаю факультет как дом родной, где профессура всегда заступалась за студентов даже при идеологических разборках. Как, например, при попытке компетентных органов «пришить дело» за психологический «капустник» о стране «Психоландии», блестяще поставленный Женей Арье (ныне ведущим режиссером Израиля), с участием В. Петухова, В. Собкина и др. А. Н. Леонтьев и другие профессора сумели отстоять участников от грозивших им неприятностей.

Вспоминаю и другой случай, уже связанный с Зинченко, на защите моего дипломника В. Кучеренко, когда зам. декана по хозяйственной части специально пришла к нему на защиту и, желая сорвать защиту, «клеила» ему аморалку: «Вхожу к нему в комнату, а там девушка...» – сообщила она комиссии по защите дипломов. Владимир Петрович, который был председателем комиссии, сделал удивлённое лицо: «Как? Вы вошли в комнату не постучавшись!!!» Защита диплома, благодаря Зинченко, была спасена. Этот маленький пассаж – одно из многих свидетельств того, как Зинченко, в отличие от большинства из нас, предпочитающих не замечать бытового хамства, столь привычного, что оно стало нормой, имел «незамысленный взгляд» на нарушение человеческого достоинства и являл собой «лицо не общего выражения».

Под стать ему был и ближайший круг Владимира Петровича. Академик РАО, директор «маленького» института психологии Академии Образования, автор, на мой взгляд, лучшей монографии по методологии и педагогической психологии «Виды обобщения в обучении» Василий Васильевич Давыдов (в народе проходивший по имени «Вась-Вась»). Творческий и глубокий учёный, он был неудержим и в жизни, и в науке. Помню методологический семинар, проходивший при большом стечении народу на факультете, где А. Н. Леонтьев дал критический анализ некоторых положений Жана Пиаже. На трибуну буквально ворвался разгоряченный Давыдов: «Вам, Алексей Николаевич, хорошо критиковать Пиаже при защите советских танков, а вот смогли бы вы его победить в личном общении...» И совсем разгорячившись, Давыдов ударил кулаком по кафедре, а затем себя в грудь: «И, вообще, что это за психология без души?.. Душу, душу, бля, убили!». Напомню, что это происходило в брежневские, «застойные» времена, когда не только за такие слова, но и гораздо более невинные могли быть большие неприятности. Впрочем, Давыдова вскоре исключили из партии и сняли с директорства института за эти или подобные высказывания и поступки.

Другой коллега-приятель Зинченко профессор Фёдор Горбов, известный своими работами по психологической подготовке космонавтов и автор

знаменитой методики «гомеостазис Горбова», идея которой была затем растиражирована в многочисленных американских методиках, также мог «похулиганить». На одной из конференций, когда его доклад стоял в конце выступавших, он начал с того, что развесил плакаты по сенсорной депривации, а затем пришили к доске большую фотографию обнаженной женщины. Утомленный за время предыдущих докладов народ оживился и уже более внимательно слушал докладчика, который комментировал схемы и графики. Закончив доклад, Горбов стал сворачивать наглядный материал. «Слушай, а бабу ты зачем повесил?» – раздался заинтересованный голос Зинченко. «Да про неё и хотел рассказывать, но времени не хватило», – ответил хитрый Горбов. Вот так развлекался близкий круг и друзей Зинченко, для которых наука была не скучным или чисто академическим занятием, а живым творчеством живых и веселых людей (впрочем, бывавших и грустными, и трагическими, но живыми и настоящими, а не играющими роль больших начальников).

Хотелось бы вспомнить ещё об одном коллеге и друге Владимира Петровича – Мирабе Константиновиче Мамардашвили, с которым у Зинченко была совместные статьи в «Вопросах философии» («Проблемы объективного метода в психологии») и в сборнике «Бессознательное»: («Изучение высших психических функций и категория бессознательное»).

Мамардашвили, как и Зинченко, являл собой тип человека свободно-го, не скованного стереотипами как в мышлении, так и в поведении и общении. Помню его спокойный, даже медлительный облик с чуть выпученными глазами и непрременной трубкой хорошего табака, который он, медленно рассуждая, раскуривал. За спокойной манерой поведения ощущалась огромная энергия свободной мысли, и сам его облик, его внутренняя энергетика заряжали аудиторию, провоцировали на мысли. На его лекции на факультете набивалось в аудиторию много народа (в том числе и не относящегося прямо к психологии). Атмосфера была всегда была крайне демократичной. Приходила со своим молодым тогда мужем профессор Ю. Б. Гиппенрейтер, в джинсах и свитере, и садилась, как и многие слушатели, на пол. Зал напряженно ловил мысли лектора о Декарте, Канте и т.д. (подчас не слишком их понимая).

В отличие от моего коллеги и в прошлом однокурсника Валерия Петухова, буквально боготворившего Мамардашвили, я не так много для себя вынес из работ Мираба Константиновича, хотя и продолжал ходить к нему на лекции во ВГИК (Институт кинематографии), когда его по приказу властных структур лишили возможности преподавать в МГУ.

Меня к Мамардашвили, как и к Зинченко, прежде всего, привлекал колорит яркой личности, свободно рассуждающей о базовых философских проблемах и привлекающих слушателей к некому внутреннему диалогическому общению, в котором они (слушатели) могли чувствовать себя участниками.

Невозможно не вспомнить и не воздать должное и памяти А. М. Пятигорского, глубокого философа и востоковеда, одной из самых ярких фигур из клана Зинченко.

Когда вспоминаешь этих людей и соотносишь их с ныне живущими, то удивляешься дефициту ярких харизматических личностей, мельчанию человеческого духа. Не то что сейчас нет достойных ученых и хороших людей в нашей и близкой к ней профессии. Но исчезающе мало личностей необычных, незаурядных. С чем это связано? Мой друг и коллега А. П. Назаретян в своей книге «Нелинейное будущее» писал о принципе «технико-гуманитарного баланса», регулирующем большие исторические периоды. Вспоминая одну из самых кровавых войн в мировой истории – Тридцатилетнюю Европейскую войну и, как следствие её, – непрекращающиеся эпидемии чумы, унесшие из жизни половину населения Европы, А. П. Назаретян справедливо полагает, что остановить этот беспредел могла только нравственная переустройство общества, смена нравственных ориентиров. И она пришла в виде эпохи Возрождения, идей терпимости и толерантности. Так и Вторая мировая война, и победа над фашизмом, при всем ужасе пережитого страдания, породила волну духовного возрождения, на гребне которой в период хрущевской оттепели (при всей ее противоречивости и половинчатости) формировались личности круга Зинченко.

Я начал свой рассказ о Владимире Петровиче с чисто личных переживаний, но они, скорее, задают фон яркой харизматической личности Зинченко, которая проявлялась, в первую очередь, в стиле его научной и преподавательской деятельности. Владимир Петрович весьма успешно начал свою карьеру ученого в области инженерной психологии, эргономики, когнитивной психологии. Молодой, успешный учёный, в 37 лет он уже защитил докторскую диссертацию и возглавив кафедру инженерной психологии, стал, наряду с А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия, П. Я. Гальпериным, одним из отцов-основателей факультета психологии. Своим авторитетом перед «технарями» и хоздоговорными проектами он поддерживал благосостояние факультета.

По логике вещей, преемником создателя факультета психологии Алексея Николаевича Леонтьева на посту декана факультета должен был стать именно Владимир Петрович Зинченко. Но властные ветры, дующие, как и ныне, из Питера (тогда Ленинграда), определили другую фигуру на эту роль.

Алексей Александрович Бодалёв, вполне достойный учёный, принадлежал к иной психологической традиции, отличной от школы Выготского–Леонтьева–Лурии, и это не могло не изменить атмосферу факультета, по крайней мере на уровне его властных структур. Ранимый, неуверенный, очень «правильный» и осторожный (хотя много сделавший впоследствии для факультета), А. А. Бодалёв был полной противоположностью ироничного, независимого и резкого по складу характера В. П. Зинченко. Они не сработались (да, наверное, и не могли бы сработаться), и Зинченко «ушли» с факультета. Это была, конечно, огромная потеря. Как поговаривает Б. С. Братусь, мелкие неприятности удаляют нас от себя, а большие – приближают. Логика развития незаурядной личности Зинченко неизбежно вывела его на решение базовых, экзистенциальных проблем сознания и творчества. И здесь позиция Зинченко для меня анало-

гична роли маленького мальчика из известной сказки Ганса Христиана Андерсена «Голый король», в удивлении выкрикнувшего: «А король-то – голый!!!» В таких своих книгах, как «Живое знание» [1], «Посох Осипа Мандельштама и трубка Мамардашвили» [2] и главное – «Сознание и творчество» [3], В.П. Зинченко убедительно показал несостоятельность мейнстрима психологии, рассматривающего сознание как форму отражения «объективной реальности», присутствующего как в отечественной психологии, так и под именем «копирующей теории истины» в зарубежной психологии. «При таком понимании мышления и сознания идей абстракция, – писал В.П., – это не отблеск реальности, а вполне полноценная реальность, которая более объективна, чем объективный мир в привычном для нас смысле слова. Однако орудием ее познания является не чувственность, а мысль, которую нельзя вывести из ощущений, ни свести к ним» [3, с. 59].

В развитии этих идей «он (читатель), несомненно, узнает идеи полифонии и диалога сознания М.М. Бахтина; пространства (сознания) «между» М. Бубера; идеи о символической природе сознания П.А. Флоренского, А. Белого, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского; идеи Л.С. Выготского о системном и смысловом строении сознания; преодолении субъект-объектной парадигмы и замену ее парадигмой «бытие–сознание» и парадигмой «человек–мир» С.Л. Рубинштейна; размышление А.Н. Леонтьева об образе мира, стоящем за деятельностью и сознанием, и его же представления об образующих сознание; представления В.А. Лефевра о рефлексивных структурах сознания и их рангах; нейропсихологические и вместе с тем антиредукционистские взгляды А.Р. Лурия; замечательные исследования субсенсорного диапазона Г.В. Гершуни; идеи об участии мышления и сознания в бытии М.М. Бахтина; идеи о спонтанности сознания В.В. Налимова; идеи Л.С. Выготского, Ф.В. Басина, Ф.Е. Василюка о переживании как об источнике и единице сознания и многое другое» [3, с. 58].

Позицию Зинченко по проблеме сознания афористично выразил его друг и коллега по со-знанию В.Л. Рабинович: «Сознание и творчество (точнее сотворчество) – тайна двух, потому что со-знание с кем-то и со-творчество тоже с кем-то. Не с тем ли же самым кем-то? Попасть в резонанс, обняться душами... А потом и рассказать об этом, но на холодную – научную – голову. А что после? Подвинуть своим рассказом новых двух к со-творчеству, а и со-знанию. Таким образом, две тайны или всё-таки одна единственная, но зато тайна тайн? Но... как подумать о душе иначе, как самой душой?»

Разочаровавшись (как мне представляется) в естественно-научных методах для решения проблемы сознания и творчества, в поисках адекватного метода со-знания и со-творчества, В.П. обратился к искусству и (в более узком плане) к поэзии как средству со-творчества поэта и его читателя. В «мягком» языке поэзии (термин В.В. Налимова) возможно передать все трепетные волнения и переживания души поэта и поднять на духовный уровень со-творчества с поэтом читателя, дав возможность ему почувствовать и пережить в себе мировосприятие и миросознание духов-

ной личности поэта. Понятна логика Зинченко. Мысле-поступок уже совершён в творчестве поэта. Для психолога, исследователя сознания, отпадает необходимость проведения психологического эксперимента. Он уже проведён в поэтическом творчестве на осознание движений души и на их выражение в поэтическом языке (то есть в опредмечивании словом). Исследователю требуется «попасть в резонанс, обняться душами... А потом рассказать об этом, но на холодную научную голову».

Безусловно, Владимир Петрович выстроил вполне логичную и эвристическую схему проведения исследования в области психологии сознания на материале искусства. Проанализировать все достоинства и недостатки такого подхода – задача будущего, но его оригинальность и эвристичность несомненны. Исследованиями психологии поэзии, вернее, психологии душевных и духовных переживаний, запечатленных и скрытых в стихах, Владимир Петрович открыл и начал разрабатывать новую область экзистенциальной психологии, психологии Души и Духовности.

Безусловно, Зинченко ушёл из мира не в состоянии старческой усталости от жизни и бессилия, а на продолжающемся подъёме в гору, к высотам духовности. С уходом Зинченко, последнего из великой плеяды отцов-основателей факультета психологии МГУ (слава Богу, не последнего из блестящей когорты отечественных мыслителей-гуманитариев), заканчивается целая эпоха шестидесятников – искателей и рыцарей Духа.

-
1. *Зинченко В. П.* Живое знание. Психологическая педагогика. – Самара, 1997.
 2. *Зинченко В. П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М., 1997.
 3. *Зинченко В. П.* Сознание и творческий акт. – М., 2010.
-

